

Моск. новости - 1993. - 3 окт. - с. 86.

В Вашингтоне суббота. Восемь утра. Утро солнечное и пустынное: ни на службу в офис, ни на воскресную службу в церкви идти не надо... Млеющий покой нарушает в городе только ажиотаж возле Национального пресс-клуба. Кто эти недоспавшие несчастные, спозаранку парящиеся (в выходной) в костюмах? Похоже на экстренное совещание какой-то гигантской корпорации... В принципе так оно и есть. Это писатели. Собираются: как заставить спящих сограждан проснуться и взяться за написанную тобой книгу. Обсуждаются стратегия и тактика: агенты, литературные брокеры, издательства, реклама, маркетинг...

— Я с конференции «Вашингтонских независимых писателей». Считается, что вся культурная жизнь — в Нью-Йорке, а в Вашингтоне — только правительство и дипломаты. Но на этой конференции было шестьсот писателей!

— Я тоже удивился, когда их первый раз увидел несколько лет назад на каком-то собрании. Вообще в Америке огромное количество писателей — гораздо больше, чем в России. В России всегда издавались: в Союзе писателей десять тысяч человек — куда столько! А в Америке, по крайней мере, в шесть раз больше... Вообще книжный бизнес здесь процветает, несмотря на все предсказания... Зайдите в книжный магазин — какой спектр! Какие альбомы, справочники, книги по искусству! Вместе с маленькими издательствами, с университетскими — это книжный океан... В этом противоречие — колоссальный выбор и засилье коммерческой дешевки.

— Но серьезные писатели здесь ведь тоже хорошо идут? На этой конференции читали отрывки из книг присутствующих авторов. И это все были не ожидаемые боевики и любовные истории, а вполне серьезные глубокие книги.

— Нет. Серьезные писатели в основном живут за счет университетского заработка — преподавательского. За исключением очень небольшого количества, которые в обиходе американских классиков, которых покупает интеллигенция или претендующие на звание «интеллигенция». Эти классики тоже числятся в авторах бестселлеров, как и дешевка. Но дешевка продает миллионы, а классики — десятки тысяч. Вот Сол Беллоу, глава классиков, продать сможет, наверное, сто тысяч своей книги. Апдайк, которого все читают, — может, тысяч сто пятьдесят. А вот другой известный мэтр, Филлип Росс, вышел с новой книгой — у того полный завал.

— Писали, что он смог продать только двадцать тысяч.

— Смешно... Почти как я... И все равно писательство здесь многих привлекает. Ну вот сколько бахвалились в России из-за Литинститута. Единственный в мире! Я действительно думал, что это единственный в мире институт, где учат, как стать писателем. Еще в ГДР, в Лейпциге, был один. А здесь я стал преподавать, и мне стали присылать из всех колледжей Штатов брошюры об их «писательских программах». Немыслимое количество! В Америке как раз учат, как писать. Толку, по моему, мало, но вообще этим занимается огромная структура.

— А какова система писательского обучения? Пишут рассказы и разбирают их?

— Разбирают. Читают рассказы, романы. Учат разным элементам письма.

— На этой писательской конференции примерно четверть времени было уделено искусству переделывания своей книги в сценарий и вообще проталкивания литературы в Голливуд.

— Нет, ну это красота. Если сотрудничать с кино, это, значит, уже какой-то заработок...

— А вы сценарии пытались здесь писать и продавать?

— Пытался, и не раз. Был даже на грани успеха. Потом все разваливалось. Один раз с «Островом Крым». Уже дошел до... Просто получил даже за сценарий какие-то деньги, аванс. А потом на совете директоров студии они решили не ставить. Если бы экранизировали, я бы стал богатым человеком. Но желающих продать сценарий... У них на студиях целые ангары со сценариями. Я видел один такой ангар. Страшно. Они их не выбрасывают, складывают в ангары, но люди знают, что можно хорошие деньги сделать и пытаются. Это все дело случая. Чистой случайности. Может годами лежать без всякого движения, вдруг кто-то выхватит... Вот недавно фильм вышел «Crying Game»: про трансвеститку, модная тема — сексуальные меньшинства. А сценарий, оказывается, тринадцать лет валялся.

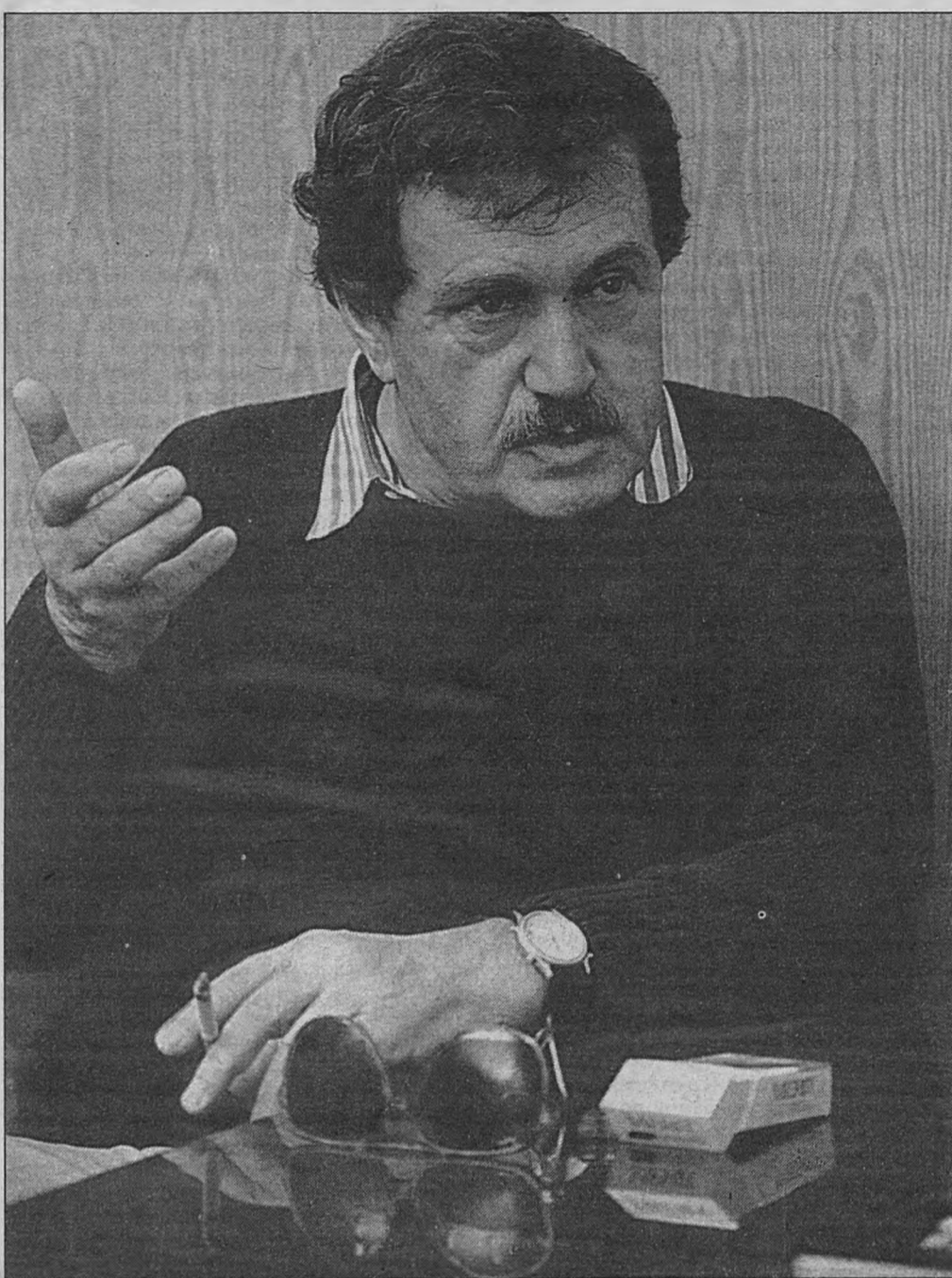
— Кстати, а каков типичный модный сюжет в сегодняшней американской прозе?

— Я вообще мало сейчас читаю американцев. Мне очень много приходится читать русской литературы в переводе на английский... За что мне такая пытка!

— Современную русскую литературу?

— Да нет... Начиная с Пушкина и кончая Сашей Соколовым.

— Набоковского Пушкина?

Василий Аксенов об американской цензуре, авангарде, кино и намерении издать свой бестселлер

— Нет. Есть перевод гораздо лучше набоковского. Есть такой сэр Чарльз Джонсон. У него как раз получилось то, что Набоков считал невозможным.

— Сохранил размер и рифму?

— Абсолютно все! Или вот прекрасный перевод «Москва — Петушки» Ерофеева. Изумительный перевод. Он подсушил всю эту русскую соплю — там, где Венечка начинает о любви говорить, — и получилось даже лучше, чем в оригинале. Английский язык вообще подсушивает.

— И все эти слова выпялки? Есть синонимы?

— Все есть... Как не быть? Тут тоже пьют!

— А что ваши студенты пишут? Каков типичный рассказ молодого американского писателя?

— Раньше я им давал карт-бланш: пишите что хотите. А сейчас я под давлением администрации требую, чтобы они отражали как-то мою программу в своих работах. А сами они пишут в основном о быте своих обычных комфортабельных пригородов — откуда они все происходят. Чаше с таким жалким фрейдиизмом. Вообще это малоинтересно. Хотя иногда появляется несколько человек любопытных, с таким авангардным свингом, но это редко.

— Почему редко: не любят авангард?

— Они не знают авангарда. Его стилистики, авангардной всей этой фени.

— Американской?

— Нет, русской. Американского авангарда вообще не существует.

— Ну как, Джойс...

— Да, Джойса все знают. Но когда ты начинаешь раскладывать Джойса с точки зрения формальной школы ОПОЯЗа, то они открывают рты, как на невероятные откровения... А про теорию сказа, которую я им преподнес, они говорят, что это просто пособие для работы.

— Какого сказа: фольклорного или авангардного?

— Эйхенбаумского, виноградовского, шкловского сказа. Опоязовского. Авторско-персонажное повествование. Автор постепенно теряет свою личность и перемещается в личность персонажа. На последнем своем классе я начал рассказывать о пост-модернистской, пост-советской литературе. О Владимире Сорокине и всех прочих. Они стали искать аналоги в американской литературе и что-то такое нашли.

— А эти молодые американские писатели, они следят за литературой в России? Знают кого-нибудь из современных?

— Никого не знают. Вот, например, такой скандально известный человек, как Лимонов. Его же в России все знают. А здесь никто. Даже не слышали никогда... Правда, и здесь есть знаменитые писатели, о которых мы и не слышали в России никогда. И не знает их никто там. А они здесь «звезды».

— А есть шанс у кого-нибудь из русских написать американский бестселлер?

— Вот я сейчас надеюсь сделать. У меня уже написана трилогия «Война и тюрьма, тюрьма и мир». Я сотрудничаю с переводчиком, авторизованный перевод делаю. И это, мне кажется, имеет шанс. Это такая семейная история — американцы это любят. В России все дело происходит... Но это тоже бестселлером может стать только в результате какой-то случайности...

— Был слух, что вы на английском писать начали.

— Я написал один роман по-английски. «Желток яйца». Я написал его в виде шутки, хохмы. Игровая абсолютно вещь. Можно воспринять как шпионско-политическую пародию на американцев... Написал, американцы-друзья поправили язык немного... А потом двенадцать издательств его здесь отвергли. И он вышел во Франции в переводе на французский. Потом я его перевел на русский. А английского издания так и нет.

— Наверное, потому что французы любят пародии на американцев, а американцы — нет.

— Ну да. Они вообще колоссально не любят, когда о них иронически говорят. Можешь разоблачать. Но вот иронически... Кроме того, существует левая цензура, так называемая «political correctness». Мой «В поисках грустного бэйби» здесь вышел в усе-ченном виде.

Нельзя ни слова критического сказать о феминистках, о гомиках. О неграх просто вообще нельзя сказать. Ничего... Сложно здесь.

— Но когда ты пишешь о другой стране, это позволительно?

— Наверное... Кстати, они пародии на Россию и вообще смех российский тоже не любят. У меня есть на этот счет своя теория. Дело в том, что в литературном мире Америки много потомков — выходцев из России, еврейских эмигрантов. Те уезжали из страны, представлявшей им средоточием всей тоски мировой. Сказать «веселое и Россия» — это для них оксюморон такой. Вот у Виктора Ерофеева сейчас выходит здесь роман «Русская красавица». Для многих это может звучать, как парадокс. В России не может быть ничего красивого, веселого. Россия — это тоска, тупость, бред, из которого надо только убежать скорее и сразу же забыть о нем. Так возникает стереотип... Если книга о России — должна быть тоска, мука. Концлагерь.

— По-английски так и звучит: Живагоу, Гулагоу...

— Ну да. Живаго-Гулаго. А если там любовь какая-то или байронические приключения, то это для них не Россия, это что-то высосанное из пальца... И вообще они любят, чтобы о России писал американец. Вот вышел роман о всей истории России. Американец написал. От Вещего Олега до Горбачева. Называется «Руска». Все читают. Почему? Почему Пикуля не читают? Уж лучше, чем «Руска»...

— Значит, Пикуль литагента не нашел.

— Правильно. И никто из наших почему-то не находит...

Дмитрий РАДЫШЕВСКИЙ,

сбор «МН»
Нью-Йорк

Индекс 39801 по каталогу издательства "Известий"

Подписка на комплект изданий "МН" обеспечит чтением всю семью!

Три издания — одна подписной талон!

Раз в неделю — "Московские новости" — самый влиятельный российский еженедельник

Раз в две недели — "Нью-Йорк Таймс. Недельное обозрение" — самая авторитетная американская газета, дайджест по-русски.

Каждый месяц — "Если" — самый интересный журнал мировой фантастики

Издаются "МН" в комплекте на 25% дешевле.